

БАЛЛАДА О КОМАНДИРЕ

текст Иосиф Брумин

В моторном отсеке корабля. Командир отделения Иосиф Брумин (в центре), мотористы Сергей и Богдан

Правы бывалые моряки: «Как корабль назовёшь, так он и поплывёт». Торпедные катера не удостоились названий, у них четырёхзначные номера и в обиходе их зовут по последней цифре: «единичка», «двойка», «тройка» и так все девять катеров дивизиона. Безобидная нумерация, но именно «двойке» довелось за неё отдуваться.

В первую свою кампанию заново созданный дивизион активно и достойно учился. И только «двойка» собирала свою жатву: то её матросики опоздадут из увольнения или на построение, то они пьяненькие влипнут в объятия патрулю, то в курилке затеют возню... В безобидной операции – девиации, когда кораблик вертят между буйками по меткам на берегу, определяя погрешности компаса, один из «двоечников» уронил за борт швартовый, катер понесло на мель, погнули винты. За все эти и иные осечки доставалось молодому командиру катера.

Ко второй кампании мы все обрели опыт, и она проходила вполне успешно. Боевая учёба отличалась разнообразием, и все возвращались к причалам возбуждённые, с новизной чувств. Хотя море редко бывало спокойно, и любая волна трепала наш маленький кораблик как хотела: два часа в море при волне 3-4 балла, и человек терял в весе около двух килограмм. Морскую болезнь каждый переносил по-своему, порой тяжело, но замены никому не было, и боевой пост не оставить. Служба на катерах считалась тяжёлой, а наши поощрительные льготы были щедры.

Кампания заканчивалась, предстояли заключительные итоговые учения. Стояла замечательная пора приморской осени – тихо, солнечно, волна чуть напоминает о себе. В тот день дивизиону предстоял очень сложный экзамен на зрелость. Может быть, главный – ночные стрельбы торпедами по движущейся цели. Торпеда – это восьмиметровый снаряд чуть боль-

ше полуметра в диаметре, со своим двигателем и органами управления. Впереди – боевое зарядное отделение и в нём 350 килограммов тротила (учебная торпеда, конечно же, заправлена водой). На катере их две, и это страшная сила: пока нет бортов, способных выдержать их удар. Стрельба торпедами и днём почти искусство, а ночью убирают сигнальные огни, и стрельба ведётся по радиолокатору. Впереди у торпеды мощный фонарь, а на цели (в тот раз это был эскадренный миноносец) – посредник из штаба флота, который оценивает проход торпеды под кораблём. Есть ли у него иные средства наблюдения, не знаю.

Командир «двойки» заметно отличался от других командиров катеров. Это был красивый, великомерно спартанского сложения молодой мужчина с приветливым лицом, не жадный на доброе слово и улыбку. Несмотря на скромную «звёздность» его погон (только две – лейтенант), это был блестящий морской офицер. Службе отдавался беззаветно весь, словно и не было у него молодой жены и крохотной доченьки. Команда на «двойке» подобралась не очень... И хотя они, наверное, уважали ко-

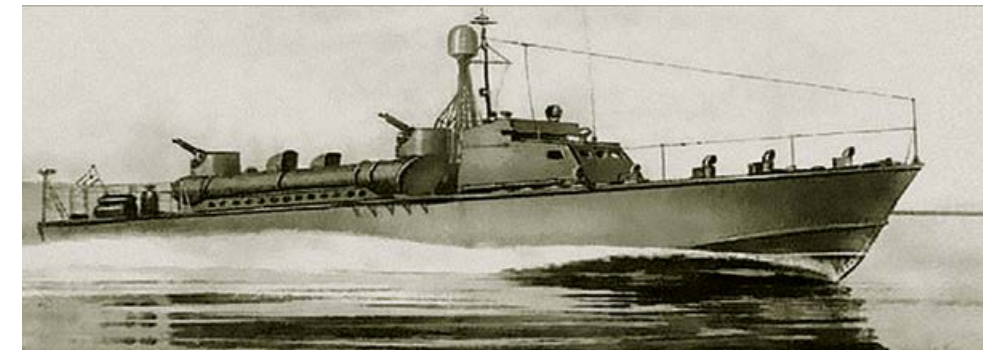
мандира, а может, и любили, но материализовать свои чувства в дело у них не получалось. И только один матросик-радиометрист – бесспорная удача командира. Из семьи советских интеллигентов он культуру дома прихватил с собой на флот. Его отношение к службе и профессии было образцовым. Дело своё знал безупречно, владел материальной частью, знал контуры берегов основных районов плавания катеров – бесценное качество для радиометриста. Не расставался с книгой, специальной или художественной. Едва ли не единственный матрос, с кем офицеры общались на «вы».

Уже в преподавательские годы мне пришло понимание, что культура является наиболее материальным достоянием общества. Командир «двойки» стал примером того, что профессиональное образование должно сочетаться с культурой индивидуума, иначе происходит удвоение невежества.

Однако вернёмся в море... Дивизион пришёл в «точку», выключили сигнальные огни, всем наверху мерещится цель, однако видна она только на экране локатора. На выстрел катера приглашают поочерёдно. Кто-то уже отстрелялся, но на катере почти суеверно не интересуются результатами других. Все сосредоточены на своих заботах, действиях и близкой стрельбе по реальной боевой цели. Такое у молодой команды впервые, и ожидание лишь нагнетает волнение. Пришла долгожданная очередь «двойке», но получилось, как всегда, неожиданно. Взревели прогретые дизеля, и отсчёт пошёл на минуты. Командир закладывает циркуляцию по большому радиусу и выходит на прямую выстрела. Всё напряжено, как в бою. Командир общается только с радиометристом, все остальные – по своим местам. И вот он, желанный миг, когда все параметры атаки сошлись, как на тренировке в учебном классе. Командир в запале кричит: «Торпедой пли!» И сам поворачивает рукоятку. Пороховой заряд выбрасывает из аппарата двухтонную смерть в море, она делает первый нырок, и там, на глубине, будет запущен двигатель, оживут рули курса и глубины, что поведут её к цели. Старшина мотористов скинул скорость, на мостике загляделись на световой след, затем сделали глубокий поворот влево, чтобы обойти эсминец за кормой...

Теперь осталось догнать свою торпеду. Это не трудно, она уже теряет скорость, да весь её «жизненный путь» около четырёх километров. Дождаться на исходе движения, когда клапан отрубит почти израсходованное питание, и торпеда повернётся вертикально, фонарём над водой, и станет мирно нырять на волне, как рыбацкий поплавок где-нибудь на Самаре-реке.

В это время по радиции доложили, что цель поражена, а выскочивший из рубки радист подслушал, что торпеда прошла под миделем цели, то есть посередине. Если бы так произошло на войне, то эсминец бы переломило пополам... На мостике возбуждение радости, весть разнесли по всем постам. Однако погоня и преследование торпеды продолжается. Это сложная и дорогая плавающая машина. Её нельзя потерять: в учебных целях она многозарядного использования. Торпеда уже ныряет, где-то в 40-50 метрах от неё погасили скорость, заглушили моторы, всем позволено подняться на палубу. На боевых постах остались только пулемётчики, они со своих высоких турелей неотрывно следят за торпедой. Осталось дождаться торпедо-

Торпедный катер «ТД-200 бис», разработанный на базе «Д-3» с учётом опыта войны

лова, он и заберёт бесценный груз. Боцман выдал запасы продовольствия, все навалились, не забыв и пулемётчиков. Мотористы, которые всё время похода молчат из-за рокота дизелей, первыми начинают трёт: «Командиру – звёздочку на погоны, торпедисту и радиометристу – по три дня к отпуску, остальным – благодарность». Коллективно решили, что так справедливо. И в разгар расслабленного блаженства победителей вдруг раздаётся озверелый вопль кормового пулемётчика: «Торпеда!» Все кинулись к правому борту, а на него надвигается нежданно получившая ход торпеда. Очевидно, от тряски нырков в торпедке вновь открылся клапан и дал двигателю остатки питания (сжатый воздух). Мотористы горохом просыпались вниз к дизелям, командир – на мостик... В этот самый миг торпеда с умеренной скоростью и всем своим весом врезается в правый борт катера. Что ей помешало выбрать другие из 360 градусов, а не рвануть к своему катеру, как пугливый щенок к ногам хозяина?

Но вот тут «двойке» повезло. Удар пришёлся точно в торец мощной переборки (перегородки) между отсеками – моторным и радиорубкой. Эти переборки создают водонепроницаемые отсеки, и при затоплении любых двух катер остаётся на плаву. Торпеда ударила, отскочила и в нескольких метрах от катера продолжала танец поплавок.

На катере – переполох, мотористы кричат, что к ним поступает вода, радист доложил, что вода в каютах и его рубке. Командир, ещё не отойдя от своего триумфа, растерянно даёт SOS в эфир. Не учат командиров катеров, каковы должны быть их действия, когда в борт угодит своя же торпеда. Видно, такое невероятие даже не заглянуло в мысли военно-морских методистов. Да и можно ли научить такому? К борту «двойки» подошёл другой катер дивизиона, и с него сошёл наш инженер-механик, учитель и высший авторитет мотористов. Быстро оглядел повреждения, поднялся на мостик и связался по радиции с командиром эсминца, попросив у него полсотни матросов. Там всё поняли. Вскоре эсминец подошёл, и палуба катера загудела под матросскими ботинками. Их выставили у левого торпедного аппарата, катер накренился, и повреждение правого борта оказалось над водой. Двух матросов в беседках отправили за борт, другие подали им плиту из аварийного комплекта, её закрепили на борту. Матросов вернули на эсминец, запустили главный двигатель и его мощным насосом вернули воду из трюмов моря.

Поступила команда отстрелявшим катером сопровождать «двойку» к причалу. И пока печальной конвой на умеренной скорости одолевал неблизкий путь, к причалам дивизиона подошёл кран-стотонник. Вскоре «двойка» стояла на причале на специальном киль-блоке.

Пройдёт несколько дней, всё будет исправлено, и только свежее пятно краски на борту будет напоминать о печальном случае. И «двойка» вновь присоединится к дивизиону, и командир вновь скамандует: «По местам стоять, с якоря и швартовых сниматься!» И торпедный катер ТК-1202 вновь уйдёт с дивизионом в море сдавать очередной экзамен на свою готовность к любому повороту в беспощадном морском бою.

Следующую свою кампанию мне довелось служить на «двойке». Тогда страну охватил почин ивановской ткачихи Валентины Гагановой: успешных мастеров переводить на отстоящие участки. Вот и нас, двоих старшин, с этой целью перевели на «двойку». Во всех армиях и флотах должный порядок, боеготовность, внешнюю привлекательность обеспечивают младшие командиры. Они в гуще военной жизни и управляют её «консистенцией». Мне очень нравился командир «двойки», и добрые отношения у нас сохранились на долгие годы. Через десяток лет после демобилизации он был на моей защите диссертации, а на банкете заявил, что он единственный командир корабля, чей матрос защищает диссертацию. За столом были только учёные, и они снисходительно отнеслись к такому заявлению.

Прошли годы, и он, уже старший офицер, жил в Москве и служил в Генеральном штабе. Я оказался в столице, мы, естественно, встретились. Он вспоминал другие передраги, что выпали ему в другом дивизионе. Он ничуть не горевал о выпавших ему невзгодах, считал их нормальной платой за право служить офицером ВМФ. Огорчали его только переживания жены, первой красавицы в округе. Она тяжело переносила тяготы его службы.

Творец, создавая человечество, честно поделил его на женщин и мужчин. Мужчинам предназначалось знать и помнить своё призвание и оставаться такими всегда, да не всем удаётся. Александру Ивановичу Бутурлакину удалось.